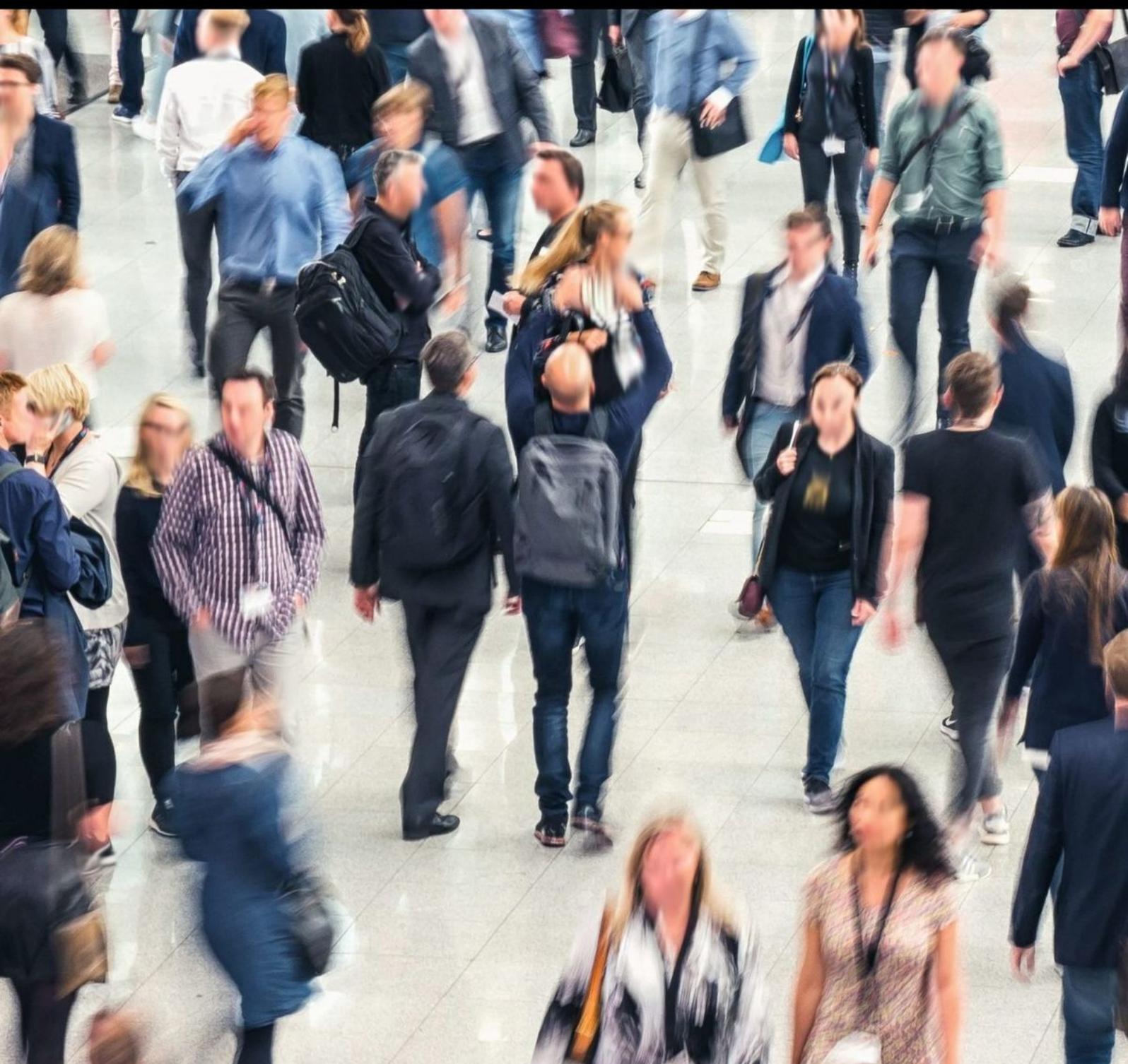

НЕЛЛИ КОПЕЙКИНА

Рассказы

Найля Копейкина

Рассказы

«Издательские решения»

Копейкина Н. Г.

Рассказы / Н. Г. Копейкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-4493-9106-3

В настоящий сборник включены рассказы писателя Копейкиной Н. Г. о жизни наших современников. Знакомясь с этой книгой, читатель будет увлечён не только представленными образами героев, интересными яркими сюжетами, зачастую с неожиданной концовкой, но и увидит разнообразный быт современника, его вниманию предстанет целый kaleidoscope человеческих отношений, поведенческих структур людей из разных слоёв населения.

ISBN 978-5-4493-9106-3

© Копейкина Н. Г.
© Издательские решения

Содержание

Анна Семёновна	6
Больной	8
Всё	12
Девчонки	16
Дождь	24
Драка	29
Душа	31
Заколка	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Рассказы

Нелли Копейкина

© Нелли Копейкина, 2024

ISBN 978-5-4493-9106-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анна Семёновна

Вчера перед сном Дима смотрел иностранный фильм из разряда тех, о которых раньше объявлялось – только для взрослых. Показывали любовную пару, женщина в которой была много старше мужчины и очень опытна в сексе. Дима и раньше слышал, что женщины в возрасте тридцати и старше лет в сексе интереснее молодых, и ему захотелось иметь такую любовницу.

Анна Семёновна сразу привлекла его внимание. Она была из числа «классных» дам: причёска, одежда, обувь, сумка, запах духов, всё было классным. И не молодая. Это как раз то, что сейчас ему больше всего нравилось.

Он сел рядом с ней и широко расставил колени, так, что их ноги коснулись. Анна Семёновна, казалось, не заметила этого, он же с волнением ощущал прикосновение её ноги. Объявили его станцию. Анна Семёновна встала и пошла к выходу.

– Удача! – обрадовался он. – Наверное, это даже судьба. Вот если сейчас она пойдёт в сторону первого вагона, точно судьба. – Она пошла в сторону первого вагона! В переходе было два выхода, но здесь Дима был готов идти за ней в любую сторону, она же пошла в ту, куда надо было идти и ему. Дальше их пути тоже совпали. Они ехали в одном автобусе. Она вышла на второй остановке, ему следовало выйти на следующей, но он вышел следом за ней. Ещё в автобусе он продумал, что скажет ей, и он сказал:

– Могу я Вас проводить?

Похоже, его слова не произвели на неё особого впечатления, как-то уж очень буднично она ответила:

– Можете, если нам по пути.

Он шёл рядом и придумывал, что бы ещё сказать ей, но как-то всё, что придумал в автобусе, вылетело из головы. Молча перешли дорогу. Поравнявшись с продуктовым магазином, Анна Семёновна остановилась.

– Спасибо, считайте, что Вы меня проводили, я живу в этом доме, – она указала на ближайший дом, – а мне ещё надо забежать в магазин. До свидания.

– До свидания, – единственно, что нашёлся ответить Дима. Он уже было поплёлся дальше, но внутренний голос остановил его. – Подожду ещё, – решил он, – в этом доме живёт Пашка, если отошёл, заскочу к нему, давно собирался. – И Дима стал ждать.

Выйдя из магазина с пакетом, набитым продуктами, Анна Семёновна увидела Диму и удивилась:

– Вы ждёте меня?

– Да, я уж Вас провожу до конца. Давайте я помогу, я ведь тоже иду в этот дом к другу... – Пашке Хлебникову, он живёт в первом подъезде, – для убедительности добавил Дима.

Анна Семёновна загадочно улыбнулась.

– Мой однокурсник. Мы с ним учимся на юрфаке.

– Прекрасно, нам по пути, – всё так же улыбаясь, ответила Анна Семёновна. Хочет пригласить к себе, – ободрился Дима и вступил в атаку:

– Давайте знакомиться, я – Дмитрий.

Она взглянула на него игриво.

– Уличное знакомство! Как это романтично! Никогда ещё не знакомилась на улице. – И, как бы спохватившись, добавила, – Анна Семёновна.

– Очень приятно, – отозвался Дима. Ему действительно было приятно. Её улыбку, игривый тон, восклицание о романтике он принял за её кокетство и приглашение продолжить разговор и он решил блеснуть красноречием, которым так славился среди друзей.

– Нет, Анна Семёновна, знакомство на улице – это отнюдь не романтика, а скорее наоборот. Мне очень не хотелось бы огорчать Вас, но реальность такова, что романтичным сейчас считается знакомство на какой-нибудь встрече, презентации, или на концерте Лучано Паваротти. Теперь романтика имеет другое лицо...

И он понёс чушь, любуясь сам собою. На подходе к первому подъезду он спохватился, – пора заруливаться.

– Но я согласен с Вами, уличное знакомство имеет свои прелести.

Анна Семёновна пустила в лифт, даже не поинтересовавшись, на какой ему нужно этаж. Дима обрадовался – Ключула! Она молча направилась к двери своей квартиры, кивком головы приглашая его за собой. Дима ликовал – Приглашает! Анна Семёновна отперла дверь и, мило улыбаясь, пригласила:

– Входите, Дмитрий.

Он вошёл.

– Заходите, – указала она рукой в сторону прикрытой двери, а сама взяла у него пакет с продуктами и прошла на кухню.

В глубоком волнении Дима открыл дверь и шагнул в комнату. Боковым зрением он уловил какое-то движение. – Кто-то в комнате! – испугался он. Но это попросту развевалась тюлевая штора. И всё же кто-то есть! Дима увидел на диване спящего человека! Мужчину! От неожиданности, волнения и испуга не сразу Дима узнал в спящем мужчине однокурсника Пашку.

Больной

– Пап, – обратился вечером Павлик к отцу, тупо уставившемуся в телевизор, – а почему они тебя больным называют?

– Кто они? – оторвавшись от зрелища, спросил отец.

– Ну, все!

– А ты больше их слушай!

– Пап, ты болеешь, что ли чем?

– Дурак! Ты уроки-то выучил?

– Выучил.

– Выучил! – передразнил отец. – А завтра снова двойку по английскому схватишь!

– Нет у нас завтра английского.

– Всё равно садись, учи!

В голосе Дениса слышалось раздражение, он вспомнил случай пятилетней давности, который и закрепил за ним прозвище Больной.

После работы Илья, наскоро простившись с бригадой, ушёл домой, трое же других членов бригады: он – Денис, Фёдор и Михаил, пошли по обыкновению в котельную, где дежурил дед Сергей, имеющий прозвище Учёный. Дед уже поджидал гостей, застелил деревянный лоснящийся стол жёлтой клеёнкой, расставил на ней гранёные стопки, соль в деревянной треснутой солонке, хлеб в потрескавшейся мелкой паутинкой тарелке, солёные огурчики в стеклянной банке и узелок из старого шерстяного клетчатого платка, в котором была печёная картошка.

Откуда-то из-за пазухи Михаил вынул поллитровку, и зазвучала услаждающая слух мужчин трель разливаемой водочки. Живо, почти не разговаривая, мужчины опорожнили рюмки и приступили к закуске. После второго разлива бутылка опустела, но тотчас же из-за пазухи Михаила появилась другая. Сегодня Михаил был «именинником», так назывался среди них тот, кто должен был по очереди выставляться.

Вторая бутылка пошла медленнее, с разговорами. Вспомнили дневные дела по работе, и, конечно же, своего бригадира Илью.

– И чего это он всегда бежит домой, жены боится что ли? – предположил Фёдор.

– А, может, любит он её, – высказался дед Сергей.

– Да, Зинка-то бабёнка ничего, ничего... – вкрадчиво, как бы заявляя, уж я-то знаю, – сказал Денис.

– Много ты знаешь! – усмехнулся Фёдор.

– Знаю!

– Откуда ж ты её знаешь? – спросил дед.

– Да я её как-то прямо в лесу...

– Да ну?! – подлил масла в жар Фёдор, знающий слабость Дениса прихвастнуть.

– Ну да, – раздражённо скривив лицо, не глянув даже в сторону Фёдора, ответил Денис. – Лет пять назад это было, тогда Илья ещё и в помине у нас не было. Грибы она собирала, ну и я, ну и встретились. Я скорее левее дал, сами понимаете, какие грибы для двух грибников, гляжу, и она за мною левее подаёт, я – в ельник, и она – туда же. Ну там, слово за слово..., присели отдохнуть, ну, а там уж и прилегли. Сдобная баба, ничего не скажешь.

– Да уж, наверное, сдобнее твоей Верки, – поддел Фёдор, недолюбливающий жену Дениса, свою бывшую одноклассницу Верку, некогда прыщавую ябеду-девчонку, а сейчас сварливую неопрятную женщину-сплетницу.

– Да, – изобразив на лице слащавое выражение, продолжил закончивший уж было повествование Денис единственно с тем, чтобы не отвечать Фёдору, – долго я тогда тосковал по ней.

Ну, а с другой стороны, думаю, сдалась она мне больно, я уж тогда женат был, уж Павлику было три года.

– А ты-то был ли ей нужен? – не унимался Фёдор, которому нравилось бесить Дениса. Денис отмолчался.

– Хороша бабёнка, – заметил дед Сергей. – Вам бы, мужики, такую, а? Не чесали бы вы тут языками, а бежали бы домой. Илья уж, поди, дома сидит, пироги жуёт и любит свою Зинулей. Хороша, хороша бабёнка...

– А ты почём, дед, знаешь? – спросил Михаил, который всё это время молчал.

– А кто ж её не знает-то? Как пройдёт, так того и гляди..., ну как королева! Так и хочется ей поклониться. А...

– Ну, это уж ты загнул, – перебил Денис, – привык всё мерить своими холопскими мерками.

– Может, и холоп я, – ничуть не меняя доброжелательного тона, ответил дед, – а красоту ценить умею. Где ты баб таких видел, чтоб тебе и рожа, и кожа, и волоса, и фигура, – дед сделал жест руками, изображая фигуру женщины. – Это разве что по видакам, так ведь там бабы-то с силиконовыми грудями, а здесь природа! – дед Сергей поднял указательный палец.

– Верно дед говоришь, – отчего-то тяжело вздохнув, отозвался Михаил, – природа.

– А что, – заговорил Фёдор, – мне Зинуха тоже нравится, красивая, но вот насчёт пирогов я что-то сомневаюсь.

– Чего сомневаешься? Чего? – встрепенулся дед. – Сомневаешься, печёт ли она их?

– Да, сомневаюсь. Ты, дед, видел ли её ногти-то? Видел её маникюр?

– Видел! – торжественно объявил дед, – но я и пироги её видел, и не только видел, но и едал не раз! – как-то победоносно объявил он.

Видя вопрос на лицах молодых мужчин, дед не торопился с объяснением. Он специально встал и пошёл в растопную, подошёл к котлу, открыл тяжело лязгнувшую его дверцу и, не торопясь, стал мешать угли длинной кочергой.

– Давно я пирогов не ел, моя что-то совсем перестала печь, как навезли к нам всякой заморской дряни, так она совсем обленилась, – сказал Фёдор.

Денис с Михаилом молчали и искоса наблюдали за дедом Сергеем. Тот не спеша вернулся в коморку, где сидели мужчины, сел на свой стул с почерневшей от угольной пыли дерматиновой обшивкой и хитро обвёл присутствующих взглядом.

– Вкусные у Зинки пироги, – заговорил он, хитро улыбаясь. Ему нравилось держать вопрос в подвешенном состоянии, он чувствовал нутром, почти осязал вопрос, и вот сейчас он, дед Сергей, даст на него ответ, и вопрос закроется, перестанет существовать. Это всегда немного волновало и даже будоражило деда.

– Сдобные, пышные, сейчас такие редко кто печь умеет. Вот Ксюша моя покойная, да, та бывало, тоже такие пекла. В четыре часа вставала, замешивала тесто. Утром встаёшь, а уж полон дом пирогов! —

при этом взгляд деда Сергея на некоторое мгновение запеленился, но тотчас же вновь стал лукавым.

– Да где это она тебя пирогами-то угощала? – не выдержал Денис. Уж не тогда ли, когда Илья в ночную заступал?

– Дурак! – сердито перебил дед, – Одно у тебя на уме. Да, видно, шибко тебя Зинка прошибла! Ишь, и о ночных Ильи вспомнил!

Денис сменился с лица, но тоже на мгновение. В следующее мгновение он взял себя в руки, и смущение, промелькнувшее в его глазах, исчезло.

– Ты не отворачивайся от ответа-то, не отворачивайся! – стал он напирать на деда. – Что про пироги-то молчишь? Где ты их едал? Приснилось что ль?

– Дурак ты, Дениска, пацаном дураком рос, так дураком и останешься, – беззлобно ответил дед. – Чего это я тебе sny-то свои рассказывать стану. Мои sny теперь не о пирогах. – Он помолчал немного, помолчал бы ещё, но, поняв по выражению Фёдора, что тот хочет заговорить о чём-то, поспешил с ответом: – Зинка-то Илюхина – подруга моей Клавки.

Дед с удовольствием наблюдал за тем, как мужчины реагировали на его слова. Фёдор смотрел на него с удивлением, Михаил – заинтересованно, Денис – с недоверием.

– Давно ли? – всё с тем же недоверием спросил Денис.

– Хм, – хмыкнул дед вместо ответа. Нравилось ему тянуть с ответом, это, можно сказать, была его слабость. – Да уж не два дня, – уклончиво ответил он.

– Ты не темни, дед Серёж, – вмешался Фёдор, который тоже был удивлён. Он никогда не видел этих женщин вместе, да и что может их объединять. Клавдия – незамужняя, высокая, строгая, грубоватая с лица и Зинаида – замужняя, всегда весёлая, быстрая, но не суетливая в движениях, стройная, красивая. Клавдия – директор школы, Зинаида – медсестра. Одна живёт в верхней части городка, другая – в нижней.

– А что мне темнить, – внутренне радуясь удавшейся затяжке, ответил дед. – Говорю же, дружат они. Вечером на аэробику вместе ходят, знаете, танцы у них такие спортивные. Клавка моя к Зинухе на прогревание ходит, загар какой-то искусственный. Книгами всё меняются. Хемингуэй какой-то! Куприн! Я тоже у Клавки книги беру, интересные! Это тебе не видики ваши. Вчерась какие-то выкройки кроили. Вот в аккурат вчера Зинаида и пирог приносила. С рыбой. Я утром шёл с рыбалки, зашёл к ней, рыбки занёс, а она уж к вечеру и пирог спекла. Мастерица! Не пирог, а объедение! И дочка у них такая же, ещё соплюха, а уж туда же! И стряпает, и шьёт, и вяжет.

– Ты откуда знаешь? – спросил Денис.

– Откуда, откуда! Заладил! Оттуда! А насчёт лесу это ты зря! Не верьте, мужики, не такая Зинаида. Много мужиков к ней ладилось, да никто что-то не пристроился, а ты, хрен такой, выискался! – дед Сергей неожиданно разгорячился. – Да никто тебе не поверит, чтоб Зинуха с тобой, да ещё в лесу! Она в лес-то одна никогда не ходит.

– Сейчас, может, и не ходит, а тогда ходила.

– Дурень! А я говорю, не ходила! Боится она, ориентира у неё нет, заблудиться может. А если б и одна пошла, нужен ей ты, гриб какой выискался! – дед видел, как веселеют глаза Фёдора и Михаила, и это подбодряло его. – Мухомор!

– Ну ты, полегче, дед, полегче! – с угрозой в голосе сказал Денис. Но, распалённый, дед, не обратив внимания на его слова, продолжил:

– Да я же знаю, как всё в действительности-то было.

Денис трусливо опустил глаза, но тут же поднял их.

– А ты что, под кустом сидел?

– Была нужда мне под кустами сидеть. Что я, заяц что ли! Это ты зайцем под кустом сидел, Зинку караулил, а Клавка моя тебя спугнула. Она ж у меня крупная, да в штаны обряжена, – обратился дед к Фёдору с Михаилом, – так он, видимо, её за мужика принял, как сиганёт!

– Ну чего, чего врешь-то! И не сигал я вовсе!

– Ну да, не сигал, а так бочком, бочком, и наутёк, а байку свою ты выдумал. Воображение, понимаете ли, у тебя разыгралось! – дед повертел в воздухе растопыренной пятернёй. Болезнь это такая, да, да, я читал, Зинаида приносит Клавке моей книги-то по медицине. Это человек желаемое выдаёт за реальность, сначала вроде в шутку, ну, чтоб соврать, похвастаться, а уж потом и сам начинает верить. Может даже спорить с кем угодно, было, да и всё тут. Видно, Дениска, и у тебя такая же болезнь.

– Ты, дед, гляжу, шибко учёный стал, подслушиваешь всё бабьи разговоры, да потом как сорока их разносишь.

Дед Сергей недобро блеснул глазами, но тут же лицо его снова приняло смеющееся выражение.

– А что ты так всполошился-то? В том-то и дело, что правду я говорю. Видел я, как ты Зинуху караулил. Клавдия тебя спугнула, а уж шибко интересно было мне за тобой наблюдать.

И, уже не глядя больше на Дениса, дед Сергей продолжил свой рассказ Фёдору с Михаилом.

– Иду тихонько по ельничку за девчатами, пусть, думаю, впереди идут, а уж мне что останется, они всё равно больше половины не замечают, особенно Клавка моя, сорвёт гриб, и пошла, а не соображает, что рядом должны и братья быть. Вдруг вижу, Дениска в чёрной кепочке своей словно заяц притаился, настороженный такой сидит, напряжённый, я со спины его вижу, но чувствую, чего-то он высматривает. Уж не лось ли, думаю, как бы девок моих не перепугал. Хотел подойти к нему тихонько, да вижу, а он это на Зинку пялится, ну прямо как лиса зайца сторожит!

– Да ладно, ладно тебе завирать-то, – пытался перебить Денис, но дед даже ухом не повёл.

– Так, знаете, полуприсядью стоит, ну прямо как суслик над норкой. А Зинка-то его не видит, идёт себе тихонечко, под ноги глядит. А одета она была, как и моя Клавка, в штаны. Штаны у ней в обтяжку, кофта в обтяжку, ну у Дениски дух-то, видно, и перебило, что он, родимый, как был полуприсядью, так и замер, – смаковал свой рассказ дед, подбадриваемый сдержанной улыбкой Михаила и весёлым гыканьем Фёдора. – Меня-то он не видел, а то бы, может, выпрямился, неприлично всё ж мужику в полуприсядь, в сусличьей позе. А я-то ведь тихо по лесу хожу, ни сучком не тресну, в войну-то я ж разведчиком был.

– Ну хватит, разведчик! Разбрехался, раскудахтался как на насесте!

Дед, не очень-то любивший долгих рассказов, считал уж было, свой рассказ законченным, но, подстрекаемый обидой, вызванной услышанными в свой адрес словами, продолжал:

– А кто его знает, может, ему так сподобней. Я вон читал, что некоторые мужики даже кончают, когда видят красивых баб. А японцы, вы ж сами знаете, они шестьсот разных поз изобрели. Может, и у Дениски поза какая особенная. Пусть уж, думаю, человек наслаждается, не буду мешать, да вот беда, Клавка, как медведь, откуда-то выскочила. Он, бедный, аж вздрогнул, обежал зачем-то ёлку кругом и сиганул в сторону Горшкова. Мне это теперь смешно, а...

– Ну кончай, кончай, учёный! – угрожающе стал надвигаться на деда Денис, но дед, даже глазом не моргнув продолжал. – ...тогда мне так жаль его стало. Ой, батюшки, думаю, что это с мужиком-то сделалось, никак в штаны наклал!

Денис, подошедший было вплотную к деду Сергею, развернулся и выбежал из каморки. Он бежал по узкому проходу мимо топок и слышал за спиной дружный мужской хохот, а сквозь него слова деда:

– Вот, вот, в аккурат так и бежал, больной какой-то!

Всё

Координатор полулёжа сидел в своём любимом кожаном кресле и, рассматривая вазу из русского старинного хрусталя, стоящую слева от него на мощной столешнице маленького круглого трёхногого столика из дерева твёрдых пород, давал распоряжения своему помощнику. Тонкие ноги координатора были вытянуты по шерстяному ковру умеренной ворсистости и упирались каблуками обутых на них туфель в коричнево-бордовый цветок узора. Руки от локтя до кончиков пальцев лежали на мягких подлокотниках кресла. Помощник координатора, как всегда, расположившись напротив начальника на расстоянии десяти-двенадцати метров за небольшим круглым стеклянным столом внимательно слушал. Никаких записей, пометок он не делал, это было запрещено, всё сказанное надо было запомнить. Сейчас, когда начальник не смотрит на него, а, как обычно, рассматривает свою любимую вазу, помощнику было легко всё запомнить, он, выработавший для себя особую систему запоминания, умело пользовался ею, и мог запомнить не только содержание сказанного, но даже интонации голоса начальника. Интонации голоса были значимы, по ним помощник определял степень важности сказанного, подтекстовый смысл сказанного, настроение начальника и даже его самочувствие.

Вскоре координатор оторвал свой взгляд от вазы и перевёл его на помощника. Взгляд начальника тоже многое говорил. И может быть от избытка информации или ещё отчего-то, но под взглядом начальника система запоминания, выработанная помощником, давала некий сбой, при котором чуть искажался, а чаще и вовсе ускользал от помощника подтекстовый смысл.

– Скоро Баха не станет, – сказал всё тем же ровным голосом координатор, но, уже глядя в глаза помощнику. Ни один мускул на красивом лице помощника не дрогнул, хотя он был удивлён. «Не станет? Почему? Бака здоров, как бык, значит, его уберут. За что?» – такие краткие мысли-вопросы стремглав пронеслись в сознании помощника и вслед за ними всплыли три цифры – количество тонн крокодильей кожи, слоновой кости, кожи жирафов, вывезенных за прошлый год из страны, управляемой Бахой. Другие цифры, означающие количество тонн вывезенной кожи иных животных, количество вывезенных минералов и прочие остались не тронутыми сознанием помощника.

Баха – так был кратко прозван президент той крохотной страны, которую координатор называл Чернильницей. Почему Чернильницей, помощник не знал, да и вряд ли кто в рабочем окружении координатора знал это наверняка, все могли только догадываться. Помощник предположил, что такому названию способствовал цвет кожи жителей этой страны – необычно тёмный с фиолетовым отливом. Координатор редко называл страны их географическими названиями, почти каждой из стран им было дано своё название, равно как и каждому руководителю стран были даны некие краткие удобопроизносимые имена. Президент Чернильницы носил длинное имя, три первых буквы которого были б, а, х.

– Скоро он заболит. На лечение его отправят в Сток, там он и умрёт.

Сток координатор называл большую развитую страну с гнилой репутацией.

Помощник знал, что иногда координатор желал, чтоб помощник становился его «собеседником», то есть не безмолствовал, показалось, сейчас тот самый случай, но полной уверенности не было, потому помощник спросил с плохо скрываемой в голосе осторожностью:

– Может, лучше в Дебри?

– Да нет, эти русские ненароком ещё и вылечат. Нам этого не надо. Новый Баха уже почти готов, ему осталось подкрепить голос.

И, давая Помощнику понять, что всё решено и обсуждению не подлежит, Координатор указал, кому надо поручить операцию «Баха».

Новый Баха – двойник убитого президента, внешне не отличался от погибшего. Рост, телесная фактура, фас и профиль лица, даже свисающие веки, шершавость кожи, её фиолетовый отлив – всё было схоже. Лишь строение стоп и ладоней рук нового Бахи несколько отличались. У погибшего Бахи было заметное плоскостопие и ладони его рук были уже. Кроме того сами пальцы и рук и ног погибшего и нового Бахи имели разное строение, тем не менее, жена погибшего Бахи сразу признала в новом Бахе своего мужа и ничем не выдавала свои подозрения. Конечно, это было внешнее проявление, в действительности она понимала, что мужа её заменил оборотень, и ей, чтоб остаться в живых, надо тщательно играть роль жены президента, не выказывая своих страхов.

Ещё готовясь стать Бахой, просматривая семейные фотографии и видеосъёмки президента, двойник с некой неприязнью смотрел на тридцатилетнюю обвешанную яркими бусами в несколько рядов, вечно улыбающуюся полноватую женщину с намеченным вторым подбородком, с почти плоским задом, присущим женщинам местного племени, с уже обвислой на предплечьях кожей, с мужловатой структурой ног и с отвращением думал о том, что ему придётся играть роль любящего мужа этой женщины. Баха был любящим мужем, возможно, поэтому, а может, по иным причинам, он имел всего одну жену, хотя местные законы, а вернее, обычаи позволяли иметь их несколько, и уделял ей много внимания. Кураторы готовящегося двойника уверяли его, что будет не обязательно уделять «своей» жене столько времени, ведь людям свойственно меняться. Президент «после перенесённой болезни» тоже может очень измениться, уйти с головой в политику, или даже просто поохладеть к первой жене и взять в жёны другую, ту, кого выберет сам двойник, ну, а с первой что-нибудь случится, убрать её будет не сложно. Двойник согласился с этим, это успокаивало его, хотя он точно знал, что выбрать себе в жёны кого-то сам он вряд ли сумеет, всё, что ему предстояло делать, должно было согласовываться с Братом. Брат – так двойник мысленно именовал ту организацию, которая наняла его на исполнение роли президента Чернильницы.

Сидя в подводном каменном кресле, сооружённом в красиво оформленном бассейне, наполненном прозрачной тёплой водой, которая сейчас, в темноте, подсвечивалась снизу разными цветами, оборотень вспоминал детство, в котором постоянно испытывал голод и жажду. Вспоминал драки между детворой, возникающие из-за желания глотнуть воды из луж, глиняный кувшин с водой на голове матери, с которого он почти не спускал глаз с момента, как встречал мать на окраине сопки и до самого того момента, когда кувшин ставился на глиняный пол дома. Хотя то, что считалось домом, вряд ли так можно было назвать. Это было сооружение из жердей и листьев. Тут же мать осторожно наливала воду в три чашки. Себе и двум сыновьям. Остальная вода тщательно закупоривалась кляпом из сухой травы, смешанной с глиной, и опускалась в углубление в полу, вырытое специально для этой тары.

Мягко ступая босыми ногами по освещённой дорожке, подошла с подносом, уставленным графином, фужером и вазой с фруктами Ло – жена Бахи, то есть теперь уж его жена. Поставила поднос на край бассейна рядом с мужем-оборотнем, ласково улыбнулась ему, обнажая белоснежные зубы, и с нотками искренней заботы в голосе сказала:

– Выходи, милый, ты же не рыба! Я жду тебя.

При наклоне женщины её длинные бусы чуть коснулись волос оборотня. Задрав через плечо голову, оборотень увидел бусы и в отвисшую горловину лёгкого яркого платья жены её груди. Неожиданно для себя оборотень спросил:

– Ты почему одела эти бусы?

Вопрос был задан наобум, вылетел сам по себе, оборотню просто хотелось немного задержать жену, перекинуться с ней какими-то словами.

– Ты же просил меня всегда надевать их перед этим.

– Посиди, дорогая. Давай выпьем.

– Хорошо, я принесу фужер.

Женщина сделала движение в сторону, но оборотень остановил:

– Не стоит, я тебе налью, а сам из бутылки.

Он ошибочно назвал графин бутылкой, но жена не подала виду, что заметила это.

Выпили, поговорили о красиво подсвеченных пальмах, о маленьких юрких животных, бойко лазавших по пальмам. Оборотень, встав с подводного кресла на ноги, стоял перед ней с голым торсом. Лицо его было на уровне груди жены, вставшей на край бассейна на колени. Поставив допитый фужер, жена неожиданно обняла голову оборотня и упёрла его лицо в свою грудь. Оборотень тут же свободной рукой обнял женщину, а потом, аккуратно поставив графин на бортик, обнял её и другой. Вот уже много лет оборотень не был ни в чьих объятиях, а это объятие головы на уровне женской груди его опять отослало к детству, только теперь хлынувшему в сознание не воспоминанием, а ощущением: так когда-то его – ребёнка обнимала мать. Объятие было не долгим.

– Иди, – вымолвил оборотень, пряча взгляд от женщины. Я сейчас приду.

Она хотела унести поднос, но он скомандовал:

– Оставь, уберут!

«Ты же просил меня надевать их перед этим» – оборотень пытался угадать точный смысл слов «перед этим». Наверное, перед сексом, решил он, полагая, что ничего другого в этот поздний час быть не должно. Похоже, он не ошибся, женщина с яркими бусами на шее, раскатившимися по её обнажённым грудям, лежала в постели, до пояса накрыв себя полупрозрачным покрывалом. При виде оборотня она прохрипела:

– Скорее...

Он не заставил себя ждать.

Первая мысль его – я буду иметь жену президента – быстро пропала, пропали все мысли, уступив всё бызмысленному полёту. Куда? А Бог знает куда, просто блаженный полёт и ужасно сладостное ощущение. Такого оборотень не знал раньше, не знал, что такое вообще на этом свете может быть. Вернувшись на землю, оборотень признался себе, только себе, и никому больше – ради этого стоило родиться на этой земле.

Уже на второй месяц жизни в облике Бахи, оборотень полностью вжился в установленную для него роль, и ему всё стало нравиться, даже бледнокожий лысый тип в очках почти перестал раздражать его. Оборотень быстро вжился в рабочий график президента, который больше походил на график работы артистов, ведь принимать решения, работать с документами ему не приходилось, всё это делалось за него, надо было только по указанию Брата подписывать бумаги, появляться на публике, сниматься на телевидении. Популярность оборотня тоже не беспокоила, ему это даже нравилось. Конечно, его существование омрачали некоторые запреты Брата, к примеру, ему запрещали полнеть, а потому всегда еды подавали меньше, чем ему хотелось, запрещали охоту на змей, на птиц, запрещали ходить босиком, петь песни, разученные им в детстве, и которые всё чаще шли ему теперь на ум. К счастью, не запрещали общаться с женой, которая стала ему родной.

Заметив в жене некоторую перемену, оборотень обеспокоенно спросил её:

– Ты что такая? Не заболела ли?

– Да, – ответила жена. – Мне не здоровится.

Вызвали доктора, который что-то прописал, что-то рекомендовал, но положительного результата это не дало. Оборотень обратился к Брату с просьбой послать жену на лечение к хорошим докторам. Недолголюбиваемый оборотнем куратор – светлолицый лысый мужчина в очках, выслушав просьбу оборотня, некрасиво оскалится. В этом оскале читались злоба, усмешка, ехидство, и, главное, отказ.

– А что ты хотел, – сказал лысый, сбросив с лица противную гримасу, – мы же по твоей просьбе запустили процесс её ликвидации. Не страшно, ты возьмёшь себе в жёны другую, а может, и не одну, – тут лысый подхихикнул, – Ло осталось жить максимум недели две-три.

С этими словами лысый замолк, но колючий взгляд его оставался на лице оборотня.

– Жаль, – сказал оборотень, усиленно пряча искренние чувства, – я стал уже привыкать к ней, а теперь новые хлопоты. Жаль – повторил он, и вдруг, на мгновение в его взгляде мелькнула надежда, но он тут же сумел скрыть этот взгляд, не ускользнувший однако от куратора, и почти ровным голосом спросил:

– А может, можно остановить процесс. Я не хотел бы лишней возни с бабами.

– Нет! – твёрдо ответил собеседник, всё так же глядя на оборотня. – Процесс не обратим. Печень её разрушена до невосстановимой фазы. Женщина оказалась крепкой, другая давно бы уже была на том свете.

Мужчины посидели молча с минуту. Первым встал куратор.

– Если у тебя всё, я пошёл.

– Всё! – поднимаясь из кресла, ответил оборотень.

Девчонки

Татьяна Львовна сидела в глубоком кресле напротив телевизора и делала вид, что смотрит новости. В действительности же она обдумывала, как оденется завтра на работу. Завтра ей предстояло выступить на методическом совете. Один наряд ей казался слишком ярким, не вяжущимся с завтрашним выступлением, другой – слишком будничным, третий по каким-то причинам тоже отпадал.

В кресле рядом сидел муж Татьяны Львовны – Фёдор Дмитриевич, который тоже делал вид, что смотрит новости, в действительности же он обдумывал, что бы такое подарить Светочке, в субботу её день рождения. Фёдору Дмитриевичу хотелось подарить ей что-нибудь памятное, стоящее, но всё это было одновременно и дорогим, а деньгами он располагал небольшими. Его зарплата была невелика, а, главное, хорошо известна жене. Та сумма, которой он располагал на подарок любовнице, досталась ему ценой экономии на обедах и ценой душевных волнений, вызванных страхом встречи с контролёром в городском транспорте.

В соседней комнате дочь их Люся спешно куда-то собиралась. Она натянула на своё полнотелое короткое немнущееся платьице, надела сверху джинсы и свитер, бросила в сумку туфли, косметичку и средства гигиены. Перед родителями Люся предстала в том виде, в каком обыкновенно ходила в институт, разве что косметики на ней было больше.

– Куда это? – спросила мать тоном полувопроса, то есть вопрос её прозвучал так, что на него совсем не требовался ответ. Мимика матери тоже не выражала вопроса. Зато отец насторожился и ждал, что же ответит дочь.

– Пойду, погуляю.

– Не долго, – отозвалась мать, и, похоже, больше её дочь не интересовала. Но отец таким ответом дочери не удовлетворился.

– Так поздно? – спросил он с нотками скрытой тревоги в голосе.

– Па! Ну где же поздно? Девять часов всего.

– А что днём тебе не гулялось?

– Папочка, миленький, я ведь днём учусь.

Дочь кокетливо придвинулась к отцу и чмокнула его в щеку.

За углом дома Люсю поджидали. В красном лимузине сидели две девушки и двое молодых мужчин. С появлением её мужчина, сидевший рядом с водителем, обернулся к девушкам и устало спросил:

– Все в порядке?

– Все, – ответила за всех короткостриженная брюнетка. Мотор завёлся, и машина мягко тронулась в сторону центра.

– Что, сегодня едем в центр? – поинтересовалась блондинка с узким личиком.

– А тебе куда хочется? – спросил не оборачиваясь водитель.

– Я думала, мы поедем на дачу к Серёге.

– Что, понравилось?

Девушка не ответила.

– Сегодня тоже неплохо развлечёмся, – пообещал водитель, быстро бросив на узколицию взгляд.

– Не отвлекайся, Стас, – попросила брюнетка, – смотри на дорогу.

– А что, боишься умереть? – всё с той же весёлостью в голосе отозвался водитель. – Похороним тебя с почестями.

Водитель побалагурил ещё, но девушки реагировали вяло, а мужчина рядом так вовсе цикнул:

– Смотри вперёд!

Дальше ехали молча. Въехав в арку большого серого дома, машина остановилась.

– Входите в форму здесь, – обернулся к девушкам мужчина, сидевший рядом с водителем, – а то через парадное не пустят.

Девушки немного замешкались.

– Как это здесь? Да я здесь даже ноги не вытяну, – возмутилась Люся.

– Стас поможет, – всё с той же усталостью в голосе ответил мужчина и отвернулся, что должно было означать – оставить рассуждения. Девушки, хорошо знавшие усталого, больше возражать не стали и принялись за дело. Они стягивали с себя лишнюю одежду, надевали недостающую, переобувались, подкрашивались. Усталый сидел неподвижно, спиной к ним, водитель же, обернувшись, бесцеремонно рассматривал девушек и лыбился. Минут через семь усталый скомандовал:

– Закругляйтесь.

– Лёш, – умоляющим тоном попросила узколицая девушка, мне ещё надо ресницы подкрасить.

– Ещё минута, – ответил мужчина.

Через минуту машина тронулась, проехала по двору и остановилась возле неприметного подъезда.

За неприметными дверьми оказался неожиданно просторный чистый и уютный холл. Из-за прозрачной перегородки, которая была почти неразличима, на вошедших непроницаемым взглядом смотрел элегантный молодой мужчина.

– Мы к Закиру, – сказал Алексей. Теперь в его голосе не было ноток усталости. Элегантный еле заметно кивнул, сделал несколько движений. По движению его губ было件нятно, что он с кем-то говорит, но голоса его слышно не было, потом повернулся к вошедшим и уже слышно пригласил:

– Входите, вас ждут.

При этом лицо его ничего не выражало. Алексей двинулся в сторону перегородки, девушки и Стас – неуверенно за ним. Перегородка мягко бесшумно поехала в сторону, образуя проход. Поднялись по лестнице, и снова перегородка, но на этот раз без элегантного. Элегантный, тоже с непроницаемым лицом, встретил их в зале, пригласил всех сесть, а Алексея увёл с собой.

– Здорово! – озираясь вокруг полушёпотом заговорила узколицая девушка.

– Угу – отозвалась Люся.

– Да, умеют люди жить, – мечтательно протянул Стас. Брюнетка оставалась к репликам, да и к самой обстановке, безучастна. Она сидела на диване в мягкой, но в то же время элегантной позе, с видом человека, вынужденного коротать время в ожидании.

– Лен, – обратилась Люся к узколицей девушке, – как ты думаешь, мы тут надолго?

– А что, отец опять возникал?

– Ну да, утром обязательно проверит, дома ли я.

– Хорошо ещё, что ночью не ждёт.

– Да нет, ночью, он, слава богу, спит.

– А мать?

– А-а-а, той наплевать. Я, главное, ей пообещала, что рожать в ближайшей пятилетке не собираюсь, ну она и не пристаёт. Это отец...

– А ты и ему пообещай, – перебил Люсю Стас.

– Да ты что, я с ним даже говорить на эту тему не могу, я для него всё ещё девочка с косичками.

Появился элегантный, пригласил всех пройти за ним.

В баре, сидя на высоких вращающихся стульях, обитых красной кожей, девушки, похоже, стали чувствовать себя увереннее, но на их лицах всё ещё угадывалось ожидание. Оживление в обстановку внёс брюнет, неожиданно появившийся откуда-то сбоку.

– Что, девушки, скучаем? – подошёл он сзади к ним и приобнял двух крайних девушек – узколицую Лену и брюнетку Любу. Люсю же, сидевшую посередине, он коснулся своей щекой. Лена кокетливо улыбнулась брюнету, Люба повела плечом, как бы сбрасывая его руку, Люся расцвела в приветливой улыбке. Болтали ни о чём. На вопросы девушек, кто хозяин квартиры, мужчина отвечал уклончиво, сам же, представившись им просто Эдуардом, узнал, как зовут их, чем они занимаются в свободное от отдыха время, какое они любят вино, какие смотрят фильмы, имеют ли увлечения и всякую другую чушь. Стас, уловив жест отрицания со стороны брюнета, в разговоре не участвовал, хотя, делая вид, что увлётся фильмом, который шёл по встроенному в стену телевизору, прислушивался к их разговорам. Минут через тридцать в бар влетел Алексей и, не обращая внимания на брюнета, обратился к девушкам:

– Девочки, готовьтесь к выходу!

В его голосе и жестах читались возбуждение и суетливость, которые передались и Лене с Люсей. Люба же к словам Алексея отнеслась спокойно. Пока девушки готовились в туалетной комнате к выходу, брюнет подошёл к Алексею и безапелляционным тоном сказал:

– Первойпустишь Любу!

– Не понял? – в вопросе Алексея читался протест, но слабый, так как в голосе брюнета он уловил нотки, не допускающие возражений.

– Любу! – властно повторил брюнет. – Второй – Лену, Люсю – последней.

– Но Люба у меня на закуску, Люся – первая, – неуверенно пытался возразить Алексей.

– Сделаешь как сказал! – с этими словами брюнет развернулся и удалился в боковую неприметную дверь.

Люся сидела в ожидании вызова и волновалась. Люба, оттанцевав, не возвращалась. Обычно девушки после танцев с раздеваниями возвращались в туалетную комнату одеться, и уж потом, в зависимости от обстоятельств, приглашались в зал, либо гуляли в каком-то отдельном помещении, но вот уже вызвали Лену, а Люба не вернулась. Минут сорок Люся оставалась одна, даже Стас куда-то пропал. Ей уже стало казаться, что она забыта всеми, ей хотелось встать и идти искать своих подруг, Лёху, Стаса, или ещё кого-нибудь, но она опасалась, что как только она уйдёт с этого дивана, где ей велели ждать вызова, за ней придут, тогда получится, что она сорвала представление, а этого Алексей не прощал.

Наконец, появился Алексей.

– Пошли.

– А где девчонки? – спросила, вскакивая с дивана Люся.

– Пошли, пошли, все там.

Первое, что заметила Люся, выйдя на маленькую ярко освещённую сцену, это отсутствие, а точнее сказать, очень малое количество зрителей. Люся привыкла выступать на публике, в гомоне, где она хоть и была объектом общего внимания, но второстепенным. Все занимались выпивкой, разговорами, игрой, а она своим выступлением лишь разнообразила отдых присутствующих. Здесь же едва насчитывалось человек десять, и все они смотрели на неё. Уловив ритм музыки, Люся стала пластично двигаться по сцене. Время от времени она бросала взгляд в зал, но никакой реакции зала не было, все молча безотрывно смотрели на неё. Люся бросила взгляд за кулисы на Алексея, ища его поддержки, и вдруг увидела, что он сигналил ей уже раздевание. Люся не поверила – сразу раздеваться, такого ещё не бывало, она снова бросила взгляд на Алексея, он повторил сигнал. Люся, тонко чувствующая музыку и имеющая прекрасную пластику, делала всё изящно, многократно отрепетированными движениями, но ей не хватало поощряющих возгласов. Она хотела потянуть с раздеванием, провести его по программе «три», но Алексей просигналил – «один», что означало, что ей надо раздеться быстро. Так она

и поступила, но даже тогда, когда она осталась совсем нагой, никаких возгласов не последовало. В зале по-прежнему была немая тишина. Люся, танцуя, косилась на Алексея, ожидая, когда он просигналит ей отбой, но вместо этого он просигналил ей спуск, что означало, что она должна немедленно спуститься в зал. Люся снова не поверила, подумала, что он ошибся, обычно спуск делался, когда девушка была хотя бы в трусиках, но чтоб спускаться в зал нагой, такого не бывало. Алексей вторично просигналил спуск, причём, немедленный. Люся, пряча в глазах испуг, обвела взглядом сидящих, прикидывая, к кому бы подвалить, и тут она увидела Эдуарда. В глазах его, в отличие от других, читались дружелюбие и приветливость. Пританцовывая, Люся подошла к столику, за которым был Эдуард. Он встал, галантно поцеловал её руку и преподнёс ей бокал вина. Люся выпила и сразу же почувствовала какое-то головокружение и лёгкий дурман. «Что это, наркотик, яд?» – успела подумать Люся, а дальше что-либо думать она не могла. Сквозь мутную завесу, как будто издалека, до её слуха дошли слова Эдуарда. Он говорил что-то на английском языке.

– Господа, позвольте представить, это Люся. Она приняла ноль двухмиллилитровую дозу препарата РК-3, – говорил он, обращаясь к сидящим в зале.

Ростислав Моисеевич с детства верил в свою необыкновенность. Ещё его покойная бабушка, Клавдия Семёновна, женщина властная и эгоистичная, всегда твердила:

– Талант, незаурядные способности, мастерство – всё это ничто без умения властвовать чужими душами. Учись, Ростик, властвовать чужими душами, и тогда тебе откроются все дороги. Учись познавать чужие души, входить в них, а своей души никому не раскрывай.

Живя с бабушкой, так как та не могла доверить воспитание ребёнка «какому-то еврею, вечно зарывшемуся в формулы» и своей дочери, «которая сама-то ещё была ребёнком», маленький Ростик быстро освоил науку бабушки: он умел вызвать людей на откровенность, умел найти подход к людям, и, главное, умел обойти разговор о себе. Вскоре он почувствовал и плоды своего умения, но главная его победа заключалась в том, что он сумел вызвать на откровенность своего учителя и наставника – бабушку Клавдию Семёновну. В седьмом классе, разговорив в качестве эксперимента своих соседешек, не чаявших в нём души, Ростик нарвался на вопрос: – А дедушка-то вам пишет? Ростислав думал, что дедушка погиб во время войны, так говорила бабушка, но, услышав вопрос о письмах деда, он сумел скрыть своё удивление и беспечно ответил: – Не знаю, бабушка получала от кого-то письма, может, от него. Дальше он сумел разговорить соседешек ещё и узнал, что дед его был репрессирован. Два года обдумывал Ростислав, как бы ему разговорить бабушку, и, наконец-то, уже в девятом классе он сумел это сделать. Он узнал, что Клавдия Семёновна, дочь видного деятеля литературы, в семнадцать лет влюбилась в своего соседа, забойщика-стахановца, вышла за него замуж, родила дочь, а потом вдруг поняла, что забойщик не соответствует её «высоким эстетическим запросам». Шёл тысяча девятьсот тридцать седьмой год, и Клава нашла самый простой и самый верный способ освободить себя от забойщика.

Одержав эту победу, Ростислав понял, что он же и проиграл. С той поры у него в душе зародилась злоба на бабушку, он понял, что живёт под одной крышей со сволочью. Много раз он пытался оправдать бабушкин проступок молодостью, но это ему не удавалось. Бабушка, представшая перед ним в образе сволочи, всё больше утверждалась в нём. Ростислав понял, что, отняв его у родителей, Клавдия Семёновна лишила его радости общения с ними, и обездетила их. Нелюбовь Клавдии Семёновны к Моисею Исааковичу, отцу Ростислава, породила в юноше интерес, а позже и привязанность к отцу. Ростислав понял, что его отец – большой учёный, нейрохирург. Из уважения и интереса к отцу, Ростислав стал читать его статьи, изучать его работы и увлёкся. Так он пошёл по стопам отца, закончил институт и пришёл работать на кафедру отца. В двадцать четыре года Ростислав защитил кандидатскую диссертацию, через два года – докторскую. Его труды вызвали большой интерес в научных кругах

многих стран. Желание властвовать над душами, внушённое бабушкой Ростиславу с детства, с годами не ослабевало, а усиливалось. Ростислав понял, что нейрохирургия и психиатрия раскрывают перед ним реальные возможности воздействовать на людей, управлять ими. Заручившись за границей материальной поддержкой, Ростислав Моисеевич приступил к разработке препаратов, воздействующих на мозг и центральную нервную систему человека.

На сцену выкатили Любу и Лену, сидящих в широких креслах. В такое же кресло рядом усадили и Люсю. Все девушки были наги. Люба сидела с ровной спиной с властным гордым видом. В её глазах был нездоровый блеск. В глазах Лены, сидящей в вялой позе, читались усталость и отрешённость. По лицу Люси блуждала глупая улыбка.

– Препарат, – продолжал свой доклад на английском языке Ростислав Моисеевич, – совершенно не вызывает аллергических явлений. У девушек нет ни удушья, ни насморка, ни слезливости, и как вы видите, чиста их кожа. – Ростислав Моисеевич взглянул на часы. – Через три минуты действие препарата у первой девушки вступит в активную фазу. По моим подсчётам это продлится минут тридцать-тридцать пять, в зависимости от психологических особенностей пациентки. – Ростислав Моисеевич говорил, а сверху на Любу опускался колпак из прозрачного материала, внутри которого по стенкам были оборудованы снаряды типа гимнастических.

– Вы сказали, – обратился к докладчику старичок с аккуратной седой бородкой, – что действие препарата зависит и от психических особенностей человека, что вы имели в виду?

– Действие препарата усиливается, если человек по природе сам агрессивен.

– А эту девушку Вы находите агрессивной?

– Нет. Я плохо, а точнее, я не знаю этих девушек, но, судя по роду её занятий, она работает воспитателем в детском садике, ну и вот, – он кивнул на сцену, – танцует, Люба не должна быть агрессивной. Вся агрессия, которую сейчас проявит девушка, вызвана действием препарата.

Желая задать вопрос, встал молодой полный мужчина, но вопрос остался не заданным. Мужчина, глядя на Любу, так и опустился в своё кресло с открытым ртом.

Люба являла собой страшное зрелище: её лицо было искажено злобой, ненавистью и безумием. Она вскочила с кресла и кинулась в сторону зала, но встретила сопротивление прозрачной стены. Наверное, она сильно ушиблась, но никаких видимых признаков того не было. Ни один мускул не дрогнул на её лице, по-прежнему лицо девушки оставалось обезображенным гримасой злобы и ярости. Люба быстро пробежалась вдоль стен колпака, хватаясь то за один, то за другой снаряд, и, убедившись, что находится в замкнутом пространстве, начала тянуть на себя какой-то брус. Было видно, что она прикладывает большие усилия. Брус не поддавался. Она схватилась за другой – то же. Люба стала пытаться раскачивать его, но в действительности раскачивалась сама. Стала плечом толкать в стену купола, невероятно высоко подпрыгнула до потолочной стенки купола, ухватилась за кольцо, повисла на одной руке, пытаясь второй пробить купол, спрыгнула, яростно окинула взглядом окружающих и снова кинула все свои силы на то, чтобы высвободиться.

– Она видит нас? – спросил один из присутствующих.

– Думаю, да.

– Но она ни на кого конкретно не смотрит.

– Это потому, что ей ещё не назван конкретный враг. Господин Дэвид, это будете Вы, – неожиданно обратился Ростислав Моисеевич к блондину в очках.

– Я, – немного испуганно спросил господин Дэвид. – Почему?

– Мне показалось, у Вас крепкие нервы...

– Но я б не хотел...

– Хорошо! Я буду врагом, – решительно прервал блондина Ростислав.

Секунд пять спустя мужской голос на русском языке объявил:

– Люба, Эдуард – мужчина, который стоит, – твой враг!

Люба, яростно пытающаяся трясти какой-то снаряд, оторвалась от своего занятия, метнула свирепый взгляд в зал, и, сразу обнаружив стоящего мужчину Эдуарда, вцепилась в него ненавидящим колючим взглядом. Ростислав, весело помахав Любе рукой, сел. Люба вновь кинулась на стену.

– Теперь, господа, вся её энергия будет направлена на уничтожение меня.

– А что-то может её отвлечь, ну, например, музыка или какой-то крик?

– Давайте проэкспериментируем.

Заиграла музыка. Люба, не обращая на неё внимания, билась о стенку, не отрывая взгляда от врага. Завыла сирена, на Любу полилась вода, вокруг колпака, под которым находилась Люба, вспыхнуло пламя, но Люба почти не обращала на это внимания.

– Она чувствует боль?

– Да.

– Если сейчас освободить её, опасна ли она для других, кроме Вас?

– Да. Конечно, она сосредоточена на моём уничтожении, но если на её пути встретится кто-то, кто будет пусть даже косвенно мешать, она может навредить этому человеку.

Были ещё вопросы. Спрашивали о возможных вариантах поведения Любы, о действии препарата на внутренние органы, на органы зрения, слуха, обоняния. Проводили разные эксперименты: выключали свет, и «враг» перемещался, меняли «врага», объявляли «врага» другом. Ростислав Моисеевич комментировал поведение девушки, отвечал на вопросы, а сам всё время посматривал на часы. Постепенно пыл и ярость девушки стали угасать.

– Сейчас девушка заснёт, – объявил Ростислав Моисеевич. Её сон будет почти нормальным.

– Что Вы имеете в виду?

– Можно сказать даже нормальным, но сильно углублённым, беспробудным. Пока я ещё не нашёл более удобного способа выводить человека из трансового состояния. И ещё, во время сна проводится сеанс... Вы всё увидите сами... А сейчас, господа, обратите внимание на девушку, принявшую препарат РК-2. Она сидит с отсутствующим видом. Это прекрасный робот, который можно заставить заняться любой самой грязной работой: чистка, уборка, сельскохозяйственные работы.

– Как это сделать? – спросил старичок.

– Что?

– Как заставить её?

– Приказом.

– Приказ слуховой?

– И не только. Сейчас я продемонстрирую вам слуховые приказы, но мной разрабатываются и другие виды воздействия, в частности, через Ростозвуковое излучение.

– Ростозвуковое? – выразили удивление присутствующие.

– Да! – энергично ответил Ростислав Моисеевич, и в его глазах предательски на доли секунд мелькнул восторг победителя, который Ростислав Моисеевич усилием воли быстро сумел потушить. Рано, ещё рано даже говорить об этом, но так хотелось похвастаться. Посыпались вопросы о новом виде излучения, но Ростислав Моисеевич обвёл присутствующих жёстким взглядом и категорически заявил:

– Господа, придёт время, и я ознакомлю вас с результатами моих исследований, и с действием этого явления, а сегодня вы приглашены для того, чтобы я на примере этих девушек с улицы продемонстрировал вам действие препарата РК. Отвлекаясь на Ростозлучение, мы теряем драгоценное время. Действие препарата у Лены уже началось, и уже в активной фазе.

– Да, да, – виновато поспешили согласиться присутствующие.

Лену заставляли убирать осколки стекла с пола, гладить бельё, мыть грязную раму. Всё девушка делала с подчёркнутой аккуратностью. Она ни разу ни обожглась, ни укололась. При этом лицо её оставалось безучастным. Она даже не поднимала глаз, выполняя то или иное приказание. Вопросов было много. Присутствующих интересовало, что, если девушка совершенно не имеет того навыка, который требуется от неё для выполнения приказа, спрашивали о её самочувствии и т. д.

Неожиданно расхохоталась Люся.

– Господин Гутман, Вы ничего не говорили о том, что Ваш препарат вызывает смех, – ехидно улыбаясь, заметил яйцеголовый мужчина с козлиной бородкой. Глянув на него, Люся расхохоталась ещё сильнее, на её глазах даже проступили слёзы.

– Люся, не смейся, ты нам мешаешь, – скомандовал на русском языке Ростислав Моисеевич.

Люся тут же подавила в себе смех, но лицо её серьёзным не стало, оно вновь приняло глуповатое выражение с блуждающей улыбкой. В тишине, нарушаемой лишь лёгким скрипом салфетки о стекло, Ростислав Моисеевич ответил:

– Не думаю, что смех девушки вызван действием препарата. Ведь находясь в трансовом состоянии, она продолжает жить: видит, слышит, осязает, и, возможно, многое понимает.

– Многое из сказанного Вами?

– Нет, не совсем так. Безусловно, она слышит и меня, но вряд ли что-либо воспринимает осмысленно, тем более, что девушка почти не знает языка. Говоря, что она многое понимает, я как раз имел в виду наоборот, она сейчас понимает много меньше того, что бы должна понимать в нормальном состоянии, но нельзя сказать, что она не понимает ничего напрочь. Её центральная нервная система... Ростислав Моисеевич говорил много, уверенно, доказательно.

Люся сидела, смотрела на окружающих, и в её голове рождались недомысленные мысли, мысли-обрывки, додумать, домыслить которые она не могла. «Я... Что я? Эдик говорит что-то... Что?... Кто это? Какой смешной яйцеголовый... Похож на... На кого? Кто похож? Лена моет раму. Мама мыла раму. Мыла мылом... Что я тут...»

Потом в голове стала появляться мысль: «Я сделаю, я должна сделать». Эта мысль, мешаясь с другими, всё чаще и чаще, стала вырисовываться чётче, и, наконец, повисла в сознании Люси одна, вытеснив все другие. «Что мне сделать? Я сделаю! Я должна сделать!». Готовность исполнить желание, неважно чьё, читалась и на её лице, всё ещё не утратившем признаки дебилизма.

– Люся, ты готова исполнить мои желания? – спросил Ростислав Моисеевич.

– Да, – с нетерпеливой охотностью закивала головой девушка.

– Станцуй нам!

Люся не заставила себя ждать. Она стала танцевать под музыку, которая была слышна только ей одной, так как в действительности вовсе и не было никакой музыки.

– Сделай мостик!

Мостик получился на славу.

– Сядь на шпагат!

Шпагат не растянулся на сто восемьдесят градусов, но всё же.

– Этот мужчина, – Ростислав Моисеевич указал на ближнего мужчину, – хочет тебя.

Люся охотно пошла навстречу мужчине, игриво покачивая бёдрами.

– Нет, Люся, иди ко мне!

На слове «нет» Люся остановилась, повернулась к Ростиславу Моисеевичу и пошла к нему.

– А что, если кто-то другой будет давать ей команды?

– А может ли она одновременно выполнять команды разных людей?

– Как она поведёт себя если...

Вопросов было много. Ростислав Моисеевич отвечал на все, часто подтверждая ответы демонстрацией.

Люся выполняла пожелания мужчин, а в голове всё продолжала висеть та же мысль: «Что исполнить? Я исполню!» Минут через тридцать пять эта мысль стала мало-помалу увядать, размываться, тонуть в какой-то дали, и, наконец, наряду с ней в сознании девушки проскользнула новая мысль: «Хочу спать!» Проскользнула кратко, неуловимо, и за ней стали появляться обрывки других мыслей, всё более и более вытесняя мысль «Я исполню!». Минуты через три снова возникла мысль «Хочу спать!» На этот раз она прозвучала чётко и выразительно, разметав на тысячи несобираемых брызг все другие мысли, роющиеся в её голове, и повисла в сознании, заполняя всё существо девушки.

Люся невидящими глазами смотрела на Ростислава Моисеевича, она видела его, слышала, но только сотые доли секунд, мозг не фиксировал ни увиденного, ни услышанного, не фиксировал никаких ощущений. Она жила, и не жила. Наконец, Люся услышала в свой адрес: – Иди в кресло, спи!

Люсе снился сон, в котором она шла по лесной тропинке, и всё надеялась, что вот-вот появится опушка или что-то ещё, а лес всё продолжался, кругом было мрачно, сыро, прохладно.

Проснулась Люся от толчков и крика матери. Не сразу она поняла, где находится, а, поняв, не могла вспомнить, как она оказалась дома, ведь она уехала на выезд, или это приснилось? Из оцепенения Люсю вывел вопрос матери.

– А что ты в институт-то не пошла? Прогуливаешь что-ли?

– Нет, – по привычке рефлекторно стала сочинять Люся. – У нас сегодня коллоквиум в четыре...

– Так ведь уже шесть часов! Ты ж проспала. Это всё твои гулянки.

– Мам, а какое сегодня число? – почему-то неожиданно для себя спросила Люся.

– Не знаю... То есть шестнадцатое, у нас же сегодня был методсовет. Знаешь, всем очень понравилось моё выступление, а Нелли Львовна даже попросила меня подготовиться к выступлению в районо на тему «Воспитание в подростке...». Но Люся больше не слушала мать. Шестнадцатое, шестнадцатое, а вчера, пятнадцатого, у них был выезд. Они же куда-то ездили, а вот куда? А деньги целы? Как только мать вышла из комнаты, Люся кинулась к комоду, вынула сумочку из-под груды белья, куда она её прятала от родителей, открыла нервными движениями и успокоилась, деньги – триста долларов, как и договаривались с Лёшей, были на месте.

Но успокоение от наличия денег вновь вытеснилось тревогой, тревожило то, что она совершенно не помнила, как провела вечер и ночь с пятнадцатого на шестнадцатое, как добралась домой, как..., словом, ничего не помнила с того места, как отъехали от дома. Ехали не к Серёге, это точно, Стас ещё посмеялся над Ленкой, а вот куда? Люся встала и стала звонить подругам. Номер Лены не отвечал, Люба отозвалась сразу.

– Я тоже ничего не помню, – с каким-то трагизмом в голосе ответила Люба. Часа через три звонила Лена, которая, оказывается, только что проснулась, она тоже ничего не помнила. Узнать что-либо у ребят тоже не удалось, так как их уже не было в живых. Прошлой ночью они разбились.

На этом бизнес стриптизёрш закончился, и не только потому, что они потеряли сутенёров, но ещё и потому, что и сами очень изменились. Все считали, что потеря друзей очень сказалась на их психике. Все трое стали какими-то странными. Люба, дочь престарелой матери, стала плохо спать, мучиться кошмарами, подолгу замыкаться в себе, и уже получила на работе два выговора. Лена, дочь богатых родителей, связалась с парнем сомнительной репутации по кличке Блик, и, говорят, стала употреблять наркотики. Люся бросила институт, так как учёба ей вдруг стала не под силу, и собирается выйти замуж за бывшего одноклассника.

Дождь

Дом, который сняли девочки, был недалеко от вокзала. Высокое крыльцо, сени-коридор, прихожая-кухня с печью, две смежные комнаты, разделённые печью и фанерной перегородкой и небольшой спальный закуток без окон, тоже отделённый фанерной перегородкой. Мебели в доме было мало, отчего он казался просторным.

Ира и Зина, студентки второго курса энергетического института, приехавшие в областной город из маленького волжского городка, ликовали. У них было своё жильё без коменданта, без студсовета, без добрых тётушек-вахтёров. Хозяйка, интеллигентного вида женщина, сославшись на то, что не сможет часто приходить за платой, взяла у них деньги вперёд за три месяца. Значит, и надзора со стороны хозяйки тоже не будет!

Жили весело – вечеринки, пирушки.

Пенсионер Трохин любил наблюдать за домом напротив. Наблюдение это для него стало своеобразным развлечением. Многих из тех, кто ходил туда, он знал в лицо и всем дал клички. К примеру, рыжего парня спортивного телосложения он звал Кобелём, тонкую девушку – Пигалицей, грудастую полногубую девушку – Марфой, длинного парня – Колом, стройного весельчака с гитарой – Жеребцом.

Иногда Трохин замечал, что пришли в дом девять человек – четыре девушки и пять парней, а ушли только трое – две девушки и парень. Остальные остались с ночёвкой. Заметив, что в другой раз остались ночевать три парня и две девушки, он даже переживал, вот ведь незадача, вот ведь нескладуха, выходит, девок – четверо, а парней – всего трое!

Иногда в тихую погоду до слуха Трохина доносились звуки музыки и обрывки каких-нибудь восклицаний. Трохин пытался представить, что же происходит в доме напротив. Сейчас, наверное, пьют, – предполагал он, вспоминая внушительную сумку в руке Кобеля. Сейчас, наверное, танцуют, вернее дёргаются, под такую музыку танцевать нельзя, можно только дёргаться, видел он это по телевизору. Но когда гас свет, музыка утихала, или просто начинала звучать медленная мелодия, он представлял обнявшиеся пары и всё пытался угадать, кто же с кем обнимается. Видя, как молодёжь расходится, он мог предположить, что Марфа лижется с Вертлявым, Пигалица – с Жеребцом. Но молодёжь совсем сбивала его с толку. Жеребец обнимался то с Пигалицей, то с кривоногой, то со стриженной. Вот и пойми их. Но больше всех Трохина занимал вопрос, которые из этих хахалей его-то девок. Соседок про себя он называл «своими девками». Каждый раз, наблюдая за молодёжью, Трохин пытался вычислить хахалей своих девок, и иногда, как он думал, ему удавалось это, но потом ситуация менялась, и все его вычисления летели к чёрту.

Сергей, заскочивший к дяде по поручению матери, нехотя остался у него попить чаю. Мать просила уважить старика, посидеть у него, не убежать сразу, ведь один бобылём жил Трохин, и никого у него, кроме сестры и племянника, не было. Сидели за столом перед окном. Сергей нехотя пил чай и усердно поддерживал еле вязавшуюся беседу.

– Поехали, – вдруг невпопад сказал дядя.

– Что? – не понял Сергей.

– Девки, говорю, поехали.

Слово «мои» Трохин упустил.

– На выходные поехали к себе. Прошлый раз одна только уезжала, а сейчас, видать, обе поехали. А, может, которая вернётся. Да, видно, вернётся, сумка-то одна.

Сергей заметил, что глаза Трохина оживились, даже немного прищурились.

– О ком это он? – подумал Сергей и привстал, чтобы увидеть объект внимания дяди.

По дороге в сторону вокзала шли две девушки. Они несли вдвоём за ручки большую дорожную сумку.

– Чай до дождя-то успеют... – рассуждал Трохин. В голосе его слышалась забота.
– А кто это? – поинтересовался Сергей.
– Да... «девки мои», – застыло на языке Трохина, а ответил он, – соседки мои. Весёлые девки. Всё время праздники у них, да гулянья.
– Я что-то не помню таких раньше?
– А их раньше и не было, – резонно заметил дядя. – Нынче они сняли этот дом. Студентки!

Последнее слово Трохин произнёс язвительно.

– Всё думаю, их выгонят скоро, да нет, видно, нынче в институтах-то всяких держут. Гляжу, с утра опять в свой институт плетутся. Чай за деньги держут, али ещё за что.

Трохин оживлённо рассказал Сергею о девушках, выложил некоторые свои соображения о морали, о чести девок, об учёбе. Сергей слушал его рассеянно, хотя, со стороны могло казаться, был полон внимания. В действительности же он думал о своём.

– Идёт! – прервал свои рассуждения Трохин.

Сергей увидел в окно симпатичную девушку. Она подошла к калитке напротив и вошла в неё.

– А что хозяйева-то? Тут, вроде, тётя Феня жила. Помню, мы ещё у неё козье молоко иногда покупали.

– Фая, – морщась от раздражения, поправил дядя. – Она в прошлом году померла. Дочь приезжала из Москвы, похоронила её, а дом этим, – он кивнул на улицу, – сдала. Деньги наперёд взяла. Не знала, наверное, что здесь всё танцульки будут. Вот приедет, я ей расскажу.

– А как фамилия-то была у тёти Фаи?

– Шлякова. Ты помнишь что ли её?

– Да, припоминаю. А дочь что ж, в Москве что ли живёт?

– Ну не в Москве, а в Зарайске. Замуж вышла за тамошнего.

– Может, в Загорске? – зачем-то поинтересовался непонятливый племянник, вызывая раздражение дяди.

– Нет, в Зарайске! Что уж я не помню, что ли? Бывало, покойная Фая бегала ко мне всё звонить дочери-то. Или Танюха, дочь её, звонила. Зарайск вызывает! Мне уж этот Зарайск в печёнках сидит! – сказал дядя, проведя ребром ладони по шее.

– А я что-то не помню мужа тёти Фаи?

– А где тебе его помнить! Его уж и я почти не помню. В семьдесят первом он попал под поезд. Его не переехало, а сшибло. Пролежал неделю в больнице и помер. Так Фая-то одна Танюху растила.

– А как звали-то его?

– Кого? Мужа-то её? Иваном. А что?

– Да так... А то у нас у одного парня отца тоже сшибло поездом, – придумывал на ходу Сергей, – думал, не он ли.

– Да не—е—ет! У Ивана сыновей не было, только Танюха.

– Да, да, конечно, – поспешно согласился Сергей.

Вскоре он засобирился уходить.

– Ночуй, – предложил дядя, – а то вон, кажется, дождь собирается.—

По окну танцевали первые капли дождя. – Матери позвоним.

– Нет, дядя Лёш, мне ещё надо к другу заскочить.

– К другу, – ворчливо отозвался Трохин. – Знаю я твоих друзей! Поди, к таким же девкам спешишь!

Сергей молчал и загадочно улыбался.

– Ну, дядя Лёш, я пошёл.

Попрощавшись, Сергей вышел из дома, посмотрел украдкой на окна и пошёл в сторону остановки. Он знал, что дядя провожает его из окна взглядом. Пройдя два дома, Сергей свернул за угол и встал, хотя

до остановки нужно было идти прямо. Капли дождя участились.

«Хорошо, – подумал Сергей. Это очень кстати».

До ближайшего дерева было шагов пять, да и на дне сумки валялся зонт, но Сергей нарочно стоял и мок.

«Значит так», – рассуждал он. – «Хозяйка – Шлякова Татьяна Ивановна. Припоминаю эту Таньку. Когда я гонял на велосипеде, ей было... сколько же ей было? Она уже была барышней. Живёт она в Зарайске. Жаль, не спросил, как зовут её мужа, и о детях ничего не спросил. Ну да не беда, наверное, девушкам она биографии своей тоже не рассказывала. Так, я её... э... ну, скажем, двоюродный братец из Фурманова. Фурманов я знаю немного. Вот, дурак, не узнал, откуда девчонки. Ну, уж точно не из Фурманова, на Фурманов поезд позже. Хорошо и сумка у меня есть. Жаль, что пустая... Придётся изобразить, что полная». У Сергея была с собой большая дорожная сумка, в которой он принёс Трохину выстиранное матерью бельё. «Да, а кто я по профессии-то? Ну, наверное, журналист».

Сергей учился на факультете журналистики, на пятом курсе.

«Скорее бы старый хрыч отвалил от окна».

Дождь сгустил сумерки и замочил голову и куртку Сергея на плечах.

«Пора!» – решил Сергей и пошёл назад. Не найдя звонка, Сергей постучал в дверь, но боясь, что стук не будет услышан, прошёл на другую сторону дома и постучал в светящееся окно.

– Кто? – услышал он голос девушки и уловил в нём тревогу.

– Татьяна Ивановна, откройте, это я, ваш двоюродный брат – Шляков Сергей!

В следующее мгновение Сергей понял, что перестарался, уж не стал бы двоюродный брат называть сестру Татьяной Ивановной, называть свою фамилию, и тем более называть себя двоюродным братом. В лучшем случае, он просто назвался бы братом.

– Татьяна Ивановна здесь не живёт, – отвечала девушка, чуть приоткрыв занавеску.

– Что? Не слышу! – соврал Сергей.

Девушка махнула рукой, веля идти к двери. Войдя в азарт игры, Сергей стоял под дверью, с волнением прислушиваясь к звукам в сенях. Наконец дверь распахнулась, и он увидел ту самую девушку, которую видел в окно, сидя у дяди, только теперь она была одета в лёгкий ситцевый халатик на голую грудь, ноги её были босы.

В сумерках под шелест дождя в проёме открытой двери она показалась ему сказочно желанной.

– Вы двоюродный брат Татьяны Ивановны? – спросила она, и, не дожидаясь ответа, пригласила, – Заходите! Да Вы весь мокрый!

– Таня-то где? – спросил Сергей, входя следом за девушкой, и без остановки задал второй вопрос:

– А Вы кто? Что-то я Вас не знаю.

– Я квартирантка Татьяны Ивановны.

– Квартирантка? – изобразил удивление Сергей, ставя сумку в угол. – Да разве она сдаёт?

А мне ничего не писала.

При этом Сергей поспешно снимал куртку.

– А где она?

– Татьяна Ивановна здесь не живёт.

– Знаю, живёт она в Зарайске, – перебил Сергей, – но сейчас-то она где?

– Не знаю. Наверное, в Зарайске.

– Как? А разве её нет в Иванове?

– Не знаю, но тут она не живёт.

– Вообще не живёт? – изобразил Сергей досаду и удивление. Он уже сидел на табурете, широко расставив ноги.

– Вот те здрастье! Вот так навестил сестричку! Она ж писала, что лето будет здесь, приглашала...

На лице Сергея читалась озабоченность.

– Не знаю...

– А я приехал из Фурманова по делам. Завтра у меня консилиум. Думал, у неё переночую, – рассеянно рассуждал Сергей.

Он вскочил с табурета и начал извиняться:

– Вы уж извините, пожалуйста, я, выходит, так бесцеремонно вторгся в Ваше жильё. Простите. Это я по старой привычке. Думал, Танька тут, а её нет. Давно?

– Что давно?

– Давно она уехала-то?

– Не знаю, может, она где и в Иванове. Мы-то видели её в конце августа. С двадцать шестого она сдала нам.

Сергей присвистнул.

– Отстал я от жизни, отстал. А Вас как зовут?

– Зина, – просто ответила девушка.

– А я – Сергей, Шляков Сергей Николаевич. Зиночка, Вы уж извините за такое вот вечернее вторжение. Я, наверное, перепугал Вас.

– Да нет, не беспокойтесь, всё в порядке.

– Ну, я пойду.

Он встал, подошёл к куртке, снял её с вешалки и тяжело вздохнул:

– О—го—го. Дождь вдруг зарядил.

Он ждал, что Зина его остановит, но она молчала.

– Господи, – думал он, – неужели она так безжалостна.

– А где тут у вас поблизости гостиница? – забросил он последнюю наживку.

– Недалеко, напротив вокзала.

– Неужели не оставит, – успел подумать Сергей, но в следующее мгновение услышал:

– Но куда Вы пойдёте на ночь глядя, оставайтесь. Может, там и мест-то нет.

Шёл десятый час, день ещё не кончился, но дождь сгустил сумерки, и из освещённого окна улица выглядела ночной, да ещё в стекло барабанил дождь. Зине стало жалко родственника хозяйки. Приехал к сестре, и вот те на... оставаться одной в этот дождливый вечер ей тоже не хотелось, и она была рада неожиданному визитёру, тем более, что Сергей понравился ей.

– А я Вам не помешаю? – с осторожностью в голосе спросил Сергей.

– Нет, что Вы! – искренне ответила Зина. – Сейчас я чай поставлю.

Вечер прошёл приятно. Зина с Сергеем беззаботно болтали, вспоминали курьёзы из своей студенческой жизни, пили чай и чувствовали, что нравятся друг другу. Сергея волновали округлые очертания её груди под халатиком, и особенно бугорки сосков, загорелая шейка, руки красивых очертаний с маленькими ладошками, бледные веснушки на щеках, маленький красивый ротик, аккуратные ушки. Ему всё нравилось в ней.

Незаметно он подвёл разговор к танцам. Признался, что любит танцевать, но вот уж год, как не танцевал, всё некогда. Зина любезно предложила потанцевать, включила магнитофон. Музыка была быстрой.

– Боюсь, что я уже разучился танцевать, – заскромничал Сергей. – Давайте лучше для начала станцуем медленный танец.

К быстрым танцам они так и не перешли. Медленный их танец перешёл в ласки. Сквозь тонкий халатик Сергей ощущал тело Зины. Мягко, но настойчиво прижимая её к себе, он уже

не только руками, но и грудью, и ногами стал ощущать это волнуемое прикосновение. Зина тоже испытывала сладостное волнение от близости Сергея, от силы его рук, ног, от напряжённости его члена. В сладком головокружении она ощутила лёгкий поцелуй на шее, ещё, ниже, ниже, уже на груди.

Такой приятной ночи в жизни Зины ещё не было. С Сергеем всё было иначе, чем с другими, Зина даже не представляла, что так может быть.

Иногда летом в дождливую погоду на лице Зинаиды Петровны блуждает еле заметная тень загадочной улыбки, взгляд устремляется в непространственную даль, и она кажется странной, в остальном же это нормальная женщина.

Драка

С Олегом Люся познакомилась в парке. Кроль бегал между деревьями, что-то вынюхивая, она медленно шла по узкой аллейке и думала о своём. Кроль отставал. Люся обернулась и почти ткнулась в грудь невысокого коренастого парня.

– Извините, – сказали они почти хором друг другу и улыбнулись. Парень приостановился.

– Я не ушиб тебя?

В действительности столкновения не было, и ушибить её он не мог.

– Нет.

Люсе понравилось внимание парня, она обрадовалась возможности поболтать с кем-либо в этот утренний час и, ободренная его обращением на ты, она стала выдумывать, о чём бы заговорить с парнем. Заговорил он:

– Ты что, гуляешь?

– Нет, выгуливаю собаку.

– А... А я выгуливаю себя.

– Ты тут живёшь? – Люся мотнула головой в сторону дома рядом с парком.

– Да, в первом подъезде.

– А ты?

– А я в четвёртом.

– Значит, мы соседи! – наиграно обрадовался парень. И до сих пор не знакомы?!

Он принял позу, по-гусарски наклонил голову и представился:

– Олег.

– Люсьен, – подыгрывая ему лёгким реверансом, представилась Люся.

В тот же вечер Олег, зажав Люсю в крепкие тиски своих рук, целовал её в подъезде у окна.

У Люси приятно кружилась голова, влажнело в трусиках.

На следующий вечер она снова чувствовала силу рук Олега на талии, на бёдрах, на груди.

Снова из-под ног куда-то уходил пол, и снова она чувствовала влагу.

– Пойдём ко мне, – предложил он.

– А родители?

– Они на даче.

– Пошли.

Люся смутно помнила, как оказалась в постели, всё было в каком-то сладком полубреду: поцелуи, музыка, нечто вроде танца. Потом он раздевал её, осыпая нежными поцелуями. Она совсем не помнила деталей, но всё её тело помнило наслаждение.

Олег прошлёпал куда-то босыми ногами, наверное, в ванную. Она не любила сразу вставать, лежала с закрытыми глазами всё ещё в сладкой истоме. Услышала шаги, он уже возвращался. Показалось, быстро. Открыла глаза. Он смотрел на неё сладострастно, загадочно улыбался, бросил на ходу воздушный поцелуй, но в следующее мгновение уже стал осыпать настоящими. И всё повторилось.

Провожая Люсю, Олег, как ей показалось, почему-то хмурился.

– Ты чего? – спросила она.

– Ничего.

– Ты какой-то не такой.

– Да нет, нет, всё нормально, – натянуто улыбнулся он и накрыл её уста поцелуем. Снова долго целовались.

– Ты самая лучшая, – сказал он ей. – Давай всегда будем вместе, ты и я.

– А детей у нас не будет? – пошутила она.

– Будет, – обрадовался он такому продолжению разговора. – Сын и дочь.

Люся мечтательно улыбалась.

Впервые за двадцать шесть лет они подрались.

– Мы же всегда делились, – оправдывался после драки Андрей. – Наташку приводил я, Маринку – тоже. Я же не знал, что ты любишь её, ты же никогда мне не говорил.

Олег рассматривал в зеркало синяк под глазом и молчал. Андрей, точная копия Олега, подошёл к брату сзади и извиняющимся тоном попросил:

– Олежек, ну ты прости, я же не знал. Клянусь, я больше никогда.

Душа

На сегодня их у него было трое. Нет, конечно же, их было больше, но тех, с кем он поддерживал регулярные отношения, было три.

Клава – рыжая, белокожая, высокая, всегда пахнущая дорогими духами, всегда готовая к встрече, невзирая на свою страшную занятость. Клава училась в аспирантуре, ходила на курсы французского, занималась аэробикой и имела много друзей.

Марина – невысокая грациозная брюнетка с фигурой гимнастки, с быстрыми энергичными жестами, преподаватель музыки в каком-то престижном колледже.

И она. Нина. Тоже невысокая и тоже брюнетка, и тоже грациозная, но её грациозность была не только в фигуре и не столько в фигуре, сколько в движениях, в жестах. Она умела чуть-чуть наклонить головку вбок, выражая радость при встрече, чуть-чуть сдвинуть брови, выражая негодование, еле заметно повести плечиком, выражая недоумение, еле дрогнуть губами, выражая прощальный поцелуй. Но во всех этих еле-еле, чуть-чуть крылось гораздо больше, чем в выразительных жестах других. Так, по крайней мере, ему казалось. Так он понимал.

Вот и сейчас её рука еле-еле вздрогнула, да, вроде даже и не вздрогнула, он явно почувствовал волну, пробежавшую по его ладони, отчего он ощутил приятное волнение.

– Где пропадала? – спросил он.

– Всё время на месте.

– Я звонил раза три, тебя не было.

– Да?

Говорить в шуме он не любил, она также молчала, наверное, тоже не любила. Четыре станции ехали молча. Он тайком рассматривал её. На Нине было длинное летнее платье с широким вырезом, трогательно обнажающим ключицы.

Вагон качнулся, и он, нарочно не сдерживая двинутого толчком тела, коснулся своей грудью её. Нос его почти ткнулся в её волосы. Пахнуло свежестью.

Сегодня всё было также как всегда мило. Говорили они мало, больше занимались любовью.

Упав на подушки, он с интересом наблюдал за Ниной. На её лице всё ещё было выражение наслаждения сексом, которое он так любил. Он видел, что её тело подвергается каким-то внутренним конвульсиям. Знал, что мешать ей не надо. Сейчас нельзя её трогать, что-то ей говорить. Сама Нина как-то шутила на эту тему,

– Душа возвращается в тело.

– А что, она отрывается? – спросил он тогда.

– А у тебя что, нет? – ответила она вопросом.

В его ушах стоял её стон, перерастающий в вопль, смешанный с рыданиями. Какая сладкая музыка! Пока она не открыла глаза, он незаметно нажал на выключатель.

После ухода Нины он включил запись. Вот усиливается её дыхание, нет, это он стал дышать усиленной, а она, вот, вот, еле слышно простонала, ещё, ещё. Вот уже явственный стон, стон, смешанный с каким-то неголосовым воплем. Сладострастно зарыдала. Громче, громче. Ещё. Умолкает. Он слушал запись и почти физически ощущал всё то, что испытывал утром. Член его напрягся и вздыбился как молодой конь, рвущийся в галоп.

– Ух, – зажался он.

Потом он прослушивал эту запись ещё и ещё. Эти звуки услаждали его слух не меньше музыки Вивальди, которую он так любил. И вдруг на ум ему пришла мысль сочетать звуки истома со звуками музыки, а мысль побежала дальше, и он вспомнил о своём приятеле с телевидения. Он вдруг решил, что создать клип с этими звуками было бы ещё лучше.

На вопрос о том, как со временем, приятель отвечал, что как всегда испытывает временной кризис и не успевает объять необъятное, но, узнав, о чём идёт речь, попросил разрешения заехать к нему сегодня же вечером.

Он с удовольствием наблюдал за приятелем. Тот не просто слушал, тот переживал. Его глаза как-то странно заблестели. Он сделал несколько ёрзающих движений, потом прикусил губу, закрыл глаза, и его руки, доселе покоящиеся на мягких подлокотниках кресла, напряглись, и пальцы жёстко упёрлись в обшивку, сделав в ней вмятины.

По окончании записи оба немного помолчали.

– Кто она тебе? – вдруг спросил приятель. Он не был готов к такому вопросу, неопределённо пожал плечами, ответил:

– Подруга.

– Нужно, чтоб она пришла в студию. Сделаем нормальную запись.

– Как? – не понял он. – Не будет же она прямо в студии...

– И не надо. Попросим так изобразить.

Как всегда после ужина, искусно приготовленного ею, Нина увлекла его с собою в ванную. Ласки усиливались струями воды. Потом как ребёнка, запеленутую в большую махровую простынь, он перенёс её в постель, осторожно раскутал и уложил под одеяло. Ласкать начал осторожно, Нина не любила сразу бурных ласк. Как всегда, она пыталась отвечать ему лаской, но была не в силах. На её лицо медленно, но верно напознала печать отречённости и, как ему казалось, неземного блаженства. Больше он такой гримасы не видел ни на ком. Он не хотел, чтоб она его ласкала. Для него её отречённость, её еле уловимые стоны были дороже всех ласк, даже оральных, которые он так любил. С Ниной было всё иначе, чем с другими. С ней он ласкался зрелищем и звуком.

Он долго обдумывал, как же ему заговорить с ней об этом, боясь обидеть её, подбирая нужные слова. Но Нина не обиделась и даже с интересом отнеслась к его предложению.

– А ты думаешь, это интересно?

– Да, ты даже не представляешь, как это интересно!

– А что, я очень кричу?

– Ты не кричишь, ты издаёшь прекрасную музыку.

Он даже хотел дать ей послушать запись, но передумал.

– Я боюсь, у меня не получится без этого.

– Не получится?

Он тоже этого боялся, но, вспомнив уверения приятеля, что получится, предложил сейчас попробовать сделать такую запись.

Нина старалась. Она представила себя и его, стала постанывать, вскрикнула, зарыдала и захлебнулась в рыданиях. Он заметил, как она побледнела.

– Что с тобой? – испуганно спросил он.

– Не знаю, кажется, я сорвала голос. Что-то спёрло в горле. Я чуть не отдала душу.

Он слышал раньше от неё об отлетающей во время полового акта душе и попытался пошутить:

– Ну, душа не поняла, что это просто запись...

– Я не шучу, – прервала его Нина.

И всё же запись удалась. Всё было почти натурально, но он уловил всё же фальшь – её неземные стоны стали земными, рыдания – голосовыми. Конечно, это было много лучше всего того, что он где-либо слышал, но не так как всегда.

– Ты сможешь завтра поехать на студию?

– Нет, больше я так не смогу.

Через неделю она поддалась уговорам. Уговаривали оба, и он, и приятель. Обещали, что это будет классный клип, что она получит гонорар, убеждали, что это просто необходимо людям.

Она опять старалась. Запись, по словам его приятеля, удалась. Через месяц, пообещал приятель, выйдет клип, озвученный музыкой и её стоном.

Вечер провели в ресторане, где она много танцевала. Он любовался ею, вроде не красавица, но чертовски хороша: грациозна, прекрасно движется, чем-то всех привлекает.

Вернулись поздно. Вода сняла усталость, а ощущение близости Нины прогнало сонливость. Вот она уже постанывает, скривила губы, чуть-чуть выгнулась. Его дыхание участилось, он чувствует приближение сладостного извержения, но чего-то не хватает. Нет её рыданий! Не в силах более тянуть, он изверг струю, она же чуть слышно простонала, и всё. Он испуганно открыл глаза. Губы её кривились, на лице была знакомая гримаса, но уже в форме увядания. А может, гримаса и не расцветала сегодня?

– Ты кончила? – как-то испуганно спросил он.

– Не знаю, – не открывая глаз, ответила Нина.

– Всё в порядке?

– Да, да, – спешно отозвалась она и попыталась улыбнуться.

Обычно он засыпал сразу, как только расслаблялся, но сегодня то ли не удалось расслабиться, то ли мешали мысли, но он долго не засыпал. Думал: «Я что-то сделал не так, может, поторопился».

Утром он решил исправить ошибку, долго возбуждал женщину, в действительности, не понимая, что она давно готова принять его. Войдя, тянул как мог, но она опять молчала. На этот раз вопросов он не задавал, она заговорила сама:

– Кажется, я сорвала голос.

Он не сразу понял, но в следующее мгновение дошло.

– Ну, не голос, – попыталась пояснить Нина, – кажется, я больше так не умею.

– Почему?

– Думаю, там, на студии... Я ведь там снова чуть не отдала душу.

– Да нет, это просто так...

Что говорить дальше он не знал, он сам ужасно напугался. Неужели это правда?

– Тебе, что, уже не хорошо со мной?

После некоторой паузы она ответила:

– Хорошо, но не так, как раньше. Я остаюсь в постели, не улетаю.

Через неделю звонил приятель, сообщал, что работа над клипом идёт, всё хорошо, но надо бы Нине приехать ещё раз записаться. Сам он звонил ей, но ни разу не застал.

– Ты извини, старик, но ничего не выйдет. Работай с тем, что есть.

– Почему?

– Так надо.

– Да ты, что, – начал распинаться приятель, – это же сногшибательный клип, да ты знаешь,...

Секунд семь он подержал трубку у уха, потом молча опустил её на рычаг.

Заколка

– Женщины – это особые существа, направив вдаль через пыльное стекло мечтательный взгляд, говорил Федя. – Женщины – это загадка. Её ресницы как крылья бабочки встрепенулись. Как крылья бабочки... – то ли сочинял, то ли цитировал Федя, всё так же мечтательно глядя вдаль. – Лёш, а ты любил когда-нибудь женщин? – обратился он к другу, сосредоточенно вцепившемуся в руль автомобиля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.